

УДК 811.1'42

ББК 81.055.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/144-152>

**КОММУНИКАТИВНАЯ ИПОСТАСЬ ЧЕЛОВЕКА
В ЗЕРКАЛЕ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ**

**(Рец. на кн.: Коммуникация. Теория и практика : учебник / Л. Г. Викулова,
М. Р. Желтухина, С. А. Герасимова, И. В. Макарова. М. : ВКН, 2020. 336 с.)**

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

**COMMUNICATIVE IMAGE OF A HUMAN BEING THROUGH
A MIRROR OF THE THEORY OF COMMUNICATION**

(Review of *Kommunikatsija. Teorija i praktika : uchebnik [Communication. Theory and Practice: textbook] / L. G. Vikulova, M. R. Zheltukhina, S. A. Gerasimova, I. V. Makarova. Moscow : VKN, 2020. 336 p.)*

L. I. Grishayeva

Voronezh State University

Введение

Представляемое читателю издание – совместный труд исследовательниц, которые специализируются преимущественно на различных лингвистических проблемах, имеющих, однако, самый непосредственный выход на смежные с лингвистикой вопросы из многочисленных научных областей, так или иначе объясняющих деятельность человека в разнообразных условиях. В данном издании комплекс общих и частных вопросов, актуальных в современных гуманитарных науках, предлагается осмыслить под углом зрения, позволяющего усмотреть в частных проявлениях «универсальную модель коммуникативного процесса» (с. 14), высветить «общие закономерности коммуникативных процессов в различных областях действительности» (с. 15).

Объединить свои интеллектуальные ресурсы и дидактические усилия Ларису Георгиевну Викулову, Марину Ростиславовну Желтухину, Светлану Анагольевну Герасимову, Ирину Владимировну Макарову побудило, очевидно, стремление систематизировать накопившиеся за последние десятилетия сведения из

сложно организованного и крайне дифференцированного проблемного поля «коммуникация». Комплекс этих вопросов интересен тем, что он является предметом осмысления разных дисциплин: социогуманитарных, естественно-научных, научно-технических. Авторы продумали свою дидактическую концепцию, чтобы стимулировать студентов высших учебных заведений к самостоятельной работе и творческому мышлению (см. рассуждения авторов на с. 8).

Интерес лингвистов, каковыми в своей основной профессиональной деятельности являются авторы рецензируемого издания, к обозначенной проблематике вполне закономерен. Это обусловлено тем, что язык, будучи средством познания и коммуникации, представляет собой, согласно современным воззрениям, основной инструмент, с помощью которого люди взаимодействуют друг с другом, т. е. осуществляют коммуникацию. Ср. в этой связи пояснения авторов относительно отдельных аспектов рассмотрения коммуникации: «...лингвистика занимается проблемами вербальной коммуникации, психология и психолингвистика изучают причины, барьеры, за-

© Гришаева Л. И., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

трудняющие процесс коммуникации, а также мотивированность вербального и невербального поведения коммуникантов» (с. 14).

Концепция учебника

Теорию коммуникации авторы понимают как междисциплинарную науку, которая «рассматривает лингвистические, когнитивные и логико-философские аспекты коммуникации» (с. 14). При этом их концепция учебника исходит из того, что коммуникация – цель и средство «обучения взаимодействию специалистов в профессиональной деятельности» (с. 8). Для авторов обсуждаемого издания это главным образом медиация и сфера общественных отношений (с. 8) – ведь именно обучающиеся по направлению и специальностям «Связи с общественностью», «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Медиация», «Филология», «Журналистика», «Педагогическое образование» – адресаты учебника (с. 2).

Свое произведение Л. Г. Викулова, М. Р. Желтухина, С. А. Сорокина, И. В. Макарова выстроили таким образом. Предпослав содержательному обсуждению проблемного поля теории коммуникации в двенадцати главах (с. 14–229) методическую записку (с. 6–13), авторы снабжают книгу глоссарием (с. 230–274), разделом «Персоналии» (с. 275–321), списком литературы, изучение которой позволило им составить раздел «Персоналии» (с. 322), список рекомендуемой литературы (с. 323–334), а также авторской справкой (с. 335). Каждый из структурных элементов издания имеет свое предназначение, помогающее реализовать цель разработки учебника – подготовить специалистов в области связей с общественностью, лингвистики и межкультурной коммуникации, медиации, филологии, журналистики, педагогического образования (с. 6), а также оказать помощь студенту в подготовке к практическим занятиям по курсу (с. 8).

В разделе «Методическая записка» (с. 6–13) детально характеризуются разные компетенции: общекультурные (с. 6), общепрофессиональные (с. 7), профессиональные (с. 8). В этом же разделе содержатся пояснения относительно включения в учебник практических заданий, в том числе коммуникативных ситуаций, выполняющих, согласно представлениям авторов, функцию ориентира (с. 9) при осуществлении того или иного вида деятельности в некоторых условиях. В этом же разделе авторы приводят требования к уровню освоения содержания дисциплины (с. 9–11), а также рекомендации студентам по работе с глоссарием (с. 11–12), с разделом «Персоналии» (с. 12–13), с заданиями из рубрики «Самостоятельная работа» (с. 13).

Проблемное поле теории коммуникации авторы членят на 12 блоков – глав, в которых обсуждаются основные вопросы, которые, согласно мнению авто-

ров, являются основополагающими для освоения курса теории коммуникации при подготовке специалистов в перечисленных выше направлениях. Все главы в свою очередь имеют однотипную структуру: краткое изложение сведений о теоретическом, прагматическом и прикладном аспектах излагаемой теории; ключевые термины; раздел «Выявляем коммуникативную компетенцию» с рубриками «Теоретические вопросы», «Практические задания», «Самостоятельная работа».

Сведения, обсуждаемые в соответствующих главах, носят как обще-, так и частнотеоретический характер. В отдельных случаях авторы излагают и свои взгляды, хотя и не маркируют это особо, не углубляясь в суть разногласий между отдельными подходами к интерпретации обсуждаемых общих и частных проблем. Содержание глав отражает в большинстве случаев консенсус, достигнутый исследователями в соответствующей области исследования. Однако в главах затрагиваются и дискуссионные вопросы, хотя авторы и не акцентируют внимание пользователей учебника на причинах научной дискуссии и потенциально возможных подходах к их решению при поиске консенсуса. Ср., например, объяснение различий между понятиями «общение» и «коммуникация» на с. 16–17.

По своему объему все главы более или менее равновелики. Содержание каждой главы структурируется на подразделы (всего их 60), основываясь, с одной стороны, на логике изложения проблематики и, с другой стороны, на авторской трактовке рассматриваемых вопросов общего и частного характера.

Авторское членение проблемного поля теории коммуникации в целом адекватно заявленным исходным позициям, в общем следует сложившимся в гуманитарных науках представлениям о структуре изучаемой проблематики и довольно полно отражается названиями глав:

глава 1 «Теория коммуникации в системе наук» (с. 14–29);

глава 2 «Основные концепции и этапы развития теории коммуникации» (с. 30–51);

глава 3 «Процесс, структура и типология коммуникации» (с. 52–68);

глава 4 «Функциональная эффективность коммуникации» (с. 69–85);

глава 5 «Семиотика коммуникации: синтактика, семантика, прагматика» (с. 86–99);

глава 6 «Вербальная и невербальная коммуникация» (с. 100–122);

глава 7 «Прагматический подход к коммуникации» (с. 123–140);

глава 8 «Межличностная коммуникация» (с. 141–161);

глава 9 «От коммуникации в малых группах до массовой коммуникации» (с. 162–179);

глава 10 «Коммуникативная личность» (с. 180–194);

глава 11 «Профессионально ориентированная и публичная коммуникация» (с. 195–211);

глава 12 «Лингвокультурологические аспекты межкультурной коммуникации» (с. 212–229).

Вкупе с заголовками подразделов, которые структурируют проблематику в главах по более тонким основаниям, концепция учебника становится понятной уже с первых страниц (см. с. 3–5). Например, глава 11 имеет три подраздела: «Виды коммуникации в организации», «Формы деловой коммуникации в организации», «Формы и жанры публичной коммуникации».

Авторство глав в рецензируемом учебнике не указывается.

Задания к каждой главе структурируются по единым принципам (см. выше) и имеют в целом однотипные для каждой рубрики задания. Рубрика «Выявляем коммуникативную компетенцию» оформлена в виде таблицы и содержит две части: первая часть отсылает читателей к глоссарию и ориентирует восприятие на осмысление теоретически значимых сведений, во второй перечисляются ключевые понятия, необходимые для осмысления обсуждаемой в соответствующей главе проблематики.

Вопросы из рубрики «Теоретические вопросы» призваны проверить уровень освоения изученного теоретического материала. Своей формулировкой вопросы акцентируют наиболее существенные сведения из комплекса изучаемой проблематики. В следующей рубрике «Практические задания» имеются упражнения, задания к которым формулируются по-разному, но все они нацелены на формирование умений применять теоретические сведения на практике – в разных коммуникативных условиях. Ряд упражнений способствует развитию умений интерпретировать те или иные ситуации взаимодействия, иллюстрировать конкретными примерами описанные в соответствующей главе закономерности. Есть задания, призывающие обучающихся ознакомиться с биографией какого-либо ученого, характеризуемого в разделе «Персоналии» в качестве исследователя, совершившего существенный вклад в изучение обсуждаемой проблематики. В качестве заметки на полях любопытно сказать в этой связи, что практически все наиболее известные ученые из Волгоградских высших учебных заведений, многие из Московского университета, а также некоторые из института языкознания упомянуты в этом разделе, поскольку соответствующие труды стали, очевидно, основополагающими при формировании концепции рецензируемого учебника.

В рубрике «Самостоятельная работа» приводятся довольно обширные выдержки из научных трудов отдельных исследователей или из публицистической либо художественной литературы. Такие задания нацелены на интерпретацию обсуждаемых в главе общих или частных теоретических вопросов, ключевых понятий из изучаемого проблемного поля или ситуаций общения того или иного типа, или признаков анализируемых феноменов.

Нет сомнения в том, что описанная структура учебника действительно может способствовать не только усвоению теоретического материала, но и формированию общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся.

В разделе «Глоссарий», организованном по алфавитному принципу, 271 словарная статья разного объема. Содержательная структура каждой словарной статьи, как правило, идентична. Начинается она термином, предлагается его этимология и оригинальное написание, если этот термин представляет собой заимствованную лексическую единицу. Ряд статей приводит синоним к тому или иному термину. Отдельные термины снабжаются более или менее подробным содержательным комментарием. Характерно, что авторы не дублируют ни формально, ни содержательно дефиниции терминов, входящих в глоссарий. Ср., например, трактовку термина «шок культурный»: в глоссарии это понятие трактуется как «социально-психологическое потрясение, испытываемое индивидом, оказавшимся в непривычном культурном окружении» (с. 272), а в соответствующей, 12-й, главе, в пункте 12.3, то же понятие описывается как «стрессовое воздействие чужой культуры на человека» (с. 216). Не исключено, что обучающиеся могут испытать затруднения при осмыслении названного феномена, тем более что в других концепциях суть культурного шока трактуется иначе.

Раздел «Персоналии» представляет с разной степенью детализации научные интересы и основные труды 84 отечественных и зарубежных исследователей-гуманитариев, живущих ныне или завершивших в разное время свой жизненный путь. Авторы называют 14 изданий справочного и энциклопедического характера, послуживших им источником соответствующих сведений. Ссылки на труды многих из названных в данном разделе ученых присутствуют далее в списке рекомендуемой литературы.

Список литературы сгруппирован по традиционным принципам: в рубрике «Основная литература» дано библиографическое описание 56 источников в основном на русском языке, и к ним составлен список словарей и справочников, который отсылает читателей к 11 изданиям. В рубрике «Дополнительная литература» имеются ссылки на 91 источник, в основном на русском языке, а также 13 словарей и справоч-

ников разной специализации. Есть в данном разделе также адреса трех электронных ресурсов, к которым обращались авторы.

Анализ содержательной и дидактической структуры учебника

Описание структуры учебника Л. Г. Викуловой, М. Р. Желтухиной, С. А. Сорокиной, И. В. Макаровой позволяет осознать очевидные достоинства анализируемой концепции и дискуссионный характер ряда принятых авторами теоретических и дидактических решений. Формат рецензии, естественно, не позволяет детально остановиться на всех положениях, которые желательно и разумно обсудить как в позитивном ключе, так и в плане сомнения в целесообразности некоторых предложенных интерпретаций.

Поэтому есть смысл проанализировать лишь отдельные тезисы, а именно и прежде всего те, которые, не ставя под сомнение правомочность авторской концепции, обращают внимание преподавателей, которые хотели бы использовать предложенный учебник в своей педагогической деятельности, как на положения, противоречащие установкам самих авторов, так и на их утверждения, не согласующиеся с консенсусом, существующим в той или иной научной дисциплине довольно длительное время и не подвергаемым сомнению подавляющим большинством исследователей.

Подобный подход необходим потому, что, вне всякого сомнения, обсуждаемые в учебнике вопросы можно и правомерно изучать, опираясь на иные подходы и на иной теоретический фундамент, анализируя иные теоретические воззрения, выстраивая иную систему аргументации.

Сомнения вызывает прежде всего широта адресации учебника (см. перечисление направлений подготовки обучающихся в высшем учебном заведении ранее). С одной стороны, такое решение авторов вполне понятно и основывается не только на междисциплинарности обсуждаемых вопросов, но и на необходимости соответствующих сведений в будущей профессиональной деятельности специалистов в упомянутых авторами областях (см. выше). Между тем избранный авторами подход к структурированию обсуждаемого проблемного поля в условиях естественных формальных и форматных ограничений учебника вынуждает их отказываться от многих значимых деталей теоретического и прикладного характера. Дело в том, что один и тот же теоретический вопрос может быть необходимым, обязательным, а то и существенным для одной профессиональной деятельности и, наоборот, факультативным или даже избыточным для других. Одни признаки изучаемого явления, коммуникации могут быть принципиально

важными для, например, лингвистики, в то время как для радиотехники – нет.

Так, компетенция «владение методиками экспертной оценки программных продуктов лингвистического профиля» (с. 8) или компетенция «способность осуществлять межкультурную коммуникацию в соответствии с принятыми нормами и правилами в различных ситуациях межкультурных обменов (деловые переговоры, переговоры официальных делегаций)» (с. 8) вряд ли могут быть сформированы в ходе освоения предложенного курса.

Сомнение в достижимости соответствующей цели возникает из-за того, что многочисленные проблемы, требующие пристального внимания, например, при лингвистической экспертизе программных продуктов, нуждаются не только в решении задачи типа «Согласны ли вы, что русские пословицы указывают на определенные ценности русской культуры?» (с. 225) или «...покажите, что значение многих невербальных знаков интерпретируется по-разному в разных странах мира» (с. 227), или «какие культурные ценности отражают эти пословицы, сопоставьте их с ценностями родной культуры» (с. 225–227), а в наборе разных компетенций и устойчивых навыков и умения анализировать процесс и результат взаимодействия коммуникантов разных категорий в разнообразных условиях.

Дело в том, что квалифицированное суждение о пословицах и поговорках, равно как и о других особенностях разнородных элементов культуры, например прецедентных феноменов, актуальных и значимых в конкретном культурном пространстве, не может быть сформулировано без глубокого постижения ценностной картины мира вообще и конкретной культуры в частности, а также без знаний истории и без знаний о типологии культур. Это в свою очередь нуждается в умении осмысливать основания для определения ценностных ориентаций как таковых и постижения конфигурации связей между ценностными ориентациями в конкретной ценностной картине мира, а также способов объективации ценностных ориентацией в коммуникации. Анализируемый учебник такого ракурса изучения проблематики не предлагает.

Много вопросов возникает после знакомства с содержанием других глав. Например, в главе «Вербальная и невербальная коммуникация» акцентирование функций языка как средства коммуникации затемняет функции невербальной коммуникации и преуменьшает внимание к проблемам соотношения названных типов взаимодействия между участниками коммуникации. Последние могут быть, естественно, разными, если вспомнить, что авторы учебника трактуют теорию коммуникации весьма широко, а ее предмет признают «обмен информации в природ-

ных, социальных и технических системах» (с. 14). Поэтому весьма вероятно, что очевидные сложности при восприятии теоретического материала возникнут у обучающихся при сопоставлении функций речевого воздействия (с. 100) и функций невербального общения (с. 117–118), тем более что при обсуждении невербальной коммуникации (с. 114–117) предлагается несколько иной функциональный потенциал невербальных средств коммуникации, чем это было сделано пару страниц выше.

К тому же не ясно (и не совсем оправданно, пожалуй), почему в этой главе упоминаются только отдельные средства невербальных культурных кодов, представленных к тому же таким непривычным образом: «Невербальная коммуникация опирается на пять основных наук» (с. 114). Естественная коммуникация не может, конечно же, опираться на науки, однако осуществляется с использованием средств познания и коммуникации разной природы с разнообразным функциональным потенциалом. На научные данные опирается научное изучение того или иного феномена. Очевидно, что для пользователей учебника подобная редакторская пометка становится потенциальным серьезным барьером в постижении сути коммуникации как феномена и сути теории коммуникации как научной дисциплины.

Опасность некорректного понимания сути обсуждаемых вопросов обучающимися имеется и при объяснении специфики организации письменной коммуникации с помощью языковых средств. Так, на с. 108 приводится табл. 6.1, в которой называются четыре сферы общения с соответствующими типами текста, фиксирующими результаты соответствующего общения. У обучающихся может возникнуть вопрос относительно количества сфер общения в письменной коммуникации и степени закрытости предлагаемого списка, с одной стороны (ведь далее в учебнике обсуждаются и другие виды коммуникации), и особенности компьютерно-опосредованной коммуникации как феномена – с другой (ведь здесь этот вид коммуникации интерпретируется как письменная вербальная коммуникация (с. 100 и далее)).

Кроме того, термин «жанр» (в этой главе «жанр письменной речи») в разных теориях трактуется по-разному, он сегодня многозначен: это и речевой акт, и жанр (в разных видах искусства), и тип текста (как результат коммуникации, продукт дискурсивной деятельности), и формат дискурса. Поэтому, знакомясь с оригиналами публикаций (как это рекомендуют авторы), обучающиеся, встречая в тексте термин «жанр», будут извлекать не то содержание из текста, какое требуется. В подобных случаях надеяться на глубину подготовки обучающихся и/или на их способность различать научные нюансы вряд ли стоит.

Неясность в осмыслении соотношения теории коммуникации, общей теории коммуникации и лингвистической теории коммуникации остается после определения объекта и предмета обсуждаемой науки (с. 14–15). По всей видимости, авторы стремились обратить внимание на то, что в одном и том же объекте – коммуникации – можно высветить разные признаки в зависимости от частнотеоретического фундамента, приемов и методов анализа, а также подхода к изучаемому явлению. Другими словами, предмет анализа может быть разным, несмотря на один и тот же объект описания. В таком контексте вычленение лингвистической (или какой-то иной) теории коммуникации, думается, нецелесообразно, потому что коммуникация в природных, социальных и технических системах как обмен информацией (с. 14) остается коммуникацией, если обсуждается теория коммуникации как таковая. Внимание к подобным неосторожным формулировкам тем более оправдано, что авторы позднее говорят о типологии коммуникации и видах коммуникации вообще, правда, уделяя подчеркнуто акцентированное внимание коммуникации с помощью разнообразных языковых средств, т. е. разным видам речевой деятельности.

Не ясно, почему, рассуждая о критериях дифференциации видов коммуникации (с. 22), авторы описывают, судя по схеме 1.2 (с. 22), межличностную коммуникацию, т. е. взаимодействие людей, и характеризуют, комментируя схему, только виды речевой деятельности, если в учебнике заявлено, что изучается коммуникация как обмен информацией. В таком случае, пожалуй, целесообразно было бы последовательно сравнить коммуникацию между людьми, между животными, между информационными системами, между приборами, между машиной и человеком, контактную и дистанционную, опосредованную специализированными приборами и т. д. либо оговорить, что изучается только коммуникация между людьми в определенной среде. Но общая матрица коммуникации и в таком случае остается необходимым элементом рассуждений о коммуникации как объекте теории коммуникации.

В обозначенном контексте поэтому не понятно, как соотносятся друг с другом вычленение по критерию «количество участников» таких видов коммуникации, как монолог, диалог, полилог, с одной стороны, и межличностная коммуникация, коммуникация в малых группах, массовая коммуникация, коммуникация в организациях, официальная коммуникация и т. д. – с другой. Здесь также желательна была бы общая матрица, из которой было бы ясно, какие виды коммуникации находятся в фокусе рассуждений.

Поставленные вопросы возникают уже только потому, что первая глава воспринимается в опоре на структуру учебника и структуру главы как устано-

вочная, излагающая основы основ для осмысления феномена «коммуникация». Ср. к тому же схематичное представление межличностной коммуникации (рис. 8.1 на с. 141), где речь идет о массовой, ограниченной, локальной, внутригрупповой или интерперсональной (так на схеме), внутриличностной или интерперсональной (так на схеме). А где же здесь компьютерно-опосредованная коммуникация? Вопрос закономерен в особенности на фоне того, что при обсуждении письменной вербальной коммуникации довольно много внимания уделяется электронному письму и эмоджонам (с. 110–113). Представляется, что в последующих изданиях целесообразно прояснить авторский взгляд относительно типов и видов коммуникации более четко.

Многочисленные вопросы возникают и после знакомства с содержанием двенадцатой главы, посвященной рассмотрению лингвокультурологических аспектов межкультурной коммуникации. Вспомним, что авторы считают лингвистические аспекты коммуникации значимой составляющей междисциплинарной науки «теория коммуникации» наряду с когнитивными и логико-философскими аспектами (с. 14). При этом «объектом лингвистической теории коммуникации выступают различные виды коммуникации. Субъектом в данном случае является человек говорящий» (с. 15). Однако, несмотря на процитированную установку, системного изложения лингвокультурологических аспектов коммуникации – даже в лаконичной форме – в главе, к сожалению, нет.

Удивление вызывает заголовок первого раздела: «Социальная культура и ее составляющие». Хочется спросить: а разве культура существует вне социума? Даже если этологи говорят сегодня о культуре в мире фауны, они имеют в виду социальных животных. Поэтому формулировки, подобные приведенной, очевидно, способны ввести читателей в заблуждение. И когда подчеркивается важность понятия «социальная культура» как «культура(ы) деятельности человека в обществе» (с. 213) или предполагается ряд разграничений и факторы при межкультурном взаимодействии через понятие «социальная культура» (с. 213), в том числе через различия между лексемами *культура/культуры*, то желательны более определенные комментарии, предельно четко проясняющие авторский взгляд на обсуждаемую проблематику. Конечно, сейчас часто встречаются формулировки типа «корпоративная культура», но ведь эти проблемы обсуждаются в контексте разработки теории коммуникации.

Без обоснования остается разведение таких понятий, как «международный контекст» и «мультикультурный контекст» (с. 213), поскольку в соответствующих размышлениях размером в полтора абзаца только перечисляются некоторые ситуации межкуль-

турного общения, но не объясняется необходимость и целесообразность подобного разграничения. Соответствующий труд предлагается, по всей видимости, читателю, который должен домыслить самостоятельно, чем международный контекст отличается от мультикультурного, и почему подобное разграничение так важно.

Не понятно, какое отношение к лингвокультурологическому аспекту имеет перечисление невербалики в межкультурном общении (с. 213–214), бесспорно, значимое для коммуникации в любом культурном пространстве. Очевидно, в этом контексте необходимо рассуждать о культурной специфике в использовании культурных кодов и о соотношении последних при решении определенной коммуникативной и когнитивной задачи, т. е. в некоторой деятельности.

Особое внимание привлекает разграничение межкультурной коммуникации и диалога культур (с. 214–215). Вопреки имеющейся в гуманитарных науках традиции для авторов это два сущностно разных понятия. Столь кардинально отличающееся от консенсусной трактовки понимание диалога культур и межкультурной коммуникации, вне всякого сомнения, нуждается в развернутой аргументации, а не только в замечаниях типа: «*Межкультурная коммуникация* понимается как такая связь между представителями различных национальных культур, при которой становится возможным не только адекватное взаимопонимание участников коммуникативного акта» (с. 214). Или: диалог культур, «для которого характерно отношение культуры к культуре как к равноценной при ее отличиях, нужной в ее непохожести и уникальности, что способствует развитию социокультурного понимания принадлежности к национальному и мировому сообществу и социокультурной готовности к межличностному и межнациональному общению» (с. 214–215).

Не ясно, какие основания лежат за различиями между социализацией и инкультурацией (с. 215), тем более что социализация определяется как «процесс усвоения культурных норм и освоения социальных ролей» (с. 215), а инкультурация означает, согласно анализируемому мнению, «обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре» (с. 216).

Не ясно, почему адаптация рассматривается после социализации и инкультурации и перед аккультурацией (социализация, инкультурация, адаптация, аккультурация – такова последовательность изложения информации в пункте 12.3) и почему «адаптироваться к... традициям, нормам, языку» человеку приходится только в другой стране (с. 216).

Совсем не понятно, почему аккультурация трактуется «как форма межкультурной коммуникации» (с. 216), как «стремление сохранить свою культурную

идентичность при включении в чужую культуру» (с. 216), а не как вторичная социализация. Желательно было бы знать, почему авторы отказываются изучать социализацию, инкультурацию, аккультурацию как генетически однородные феномены, а понятия – как более абстрактное, широкое (социализация) или более конкретное, узкое (инкультурация, аккультурация) в зависимости от среды, в которую социализируется субъект познания и коммуникации, если принять позицию авторов рецензируемого издания.

Очевидно, что для более последовательного изложения комплекса соответствующих вопросов настоятельно необходимо четко различать суть обсуждаемых явлений и их признаки, которые по-разному проявляются в изучаемом объекте в зависимости от ракурса его анализа. Для обозначения полученного результата требуется научить обучающихся сопоставлять феномены, т. е. однопорядковые явления, которые можно описывать по-разному в разных гуманитарных науках.

Не ясно, для чего в теории коммуникации обсуждать культурный шок (с. 216–217), тем более обсуждать это в терминах «хорошо – хуже – плохо – лучше» (с. 217). Это решение авторов тем более удивляет, что потенциально вероятный исход межкультурного взаимодействия не является предметом анализа в данном издании.

Вряд ли можно согласиться с тем, что в главе, имеющей в названии термин «лингвокультурологический аспект», о последнем говорится только на двух страницах, в одном пункте 12.4 (с. 217–219), да и то, по большому счету, бессистемно. Судя по ходу рассуждений, авторы трактуют лингвокультурологию иначе, нежели лингвокультурологический консенсус, достигнутый лингвокультурологами, потому что приведение крайне частных примеров типа «перенесение фонетических особенностей родной речи в иноязычную речь (акцент)» (с. 218) явно не достаточно, чтобы осознать значимость для межкультурной коммуникации соответствующих сведений. При этом существенное место отводится поведенческим установкам говорящих (с. 218), а значимость речи и молчания только пунктирно упоминается при перечислении отдельных ситуаций в некоторой паре культур в контексте «размышления вообще» (с. 218–219). Очевидно, что подобный способ изложения лингвокультурологических аспектов межкультурной коммуникации вряд ли может помочь обучающимся в постижении проблематики, столь важной и столь неоднозначной для осмысления процесса и результата межкультурного взаимодействия.

Излишне общими и поэтому малоинформативными для постижения особенностей межкультурной коммуникации представляются рассуждения о национальном характере (с. 219–221). Вряд ли кто возра-

зит, что такую серьезную, крайне дискуссионную проблему лучше вообще не затрагивать, сознательно вынося ее за скобки, нежели свести ее обсуждение к обыденным замечаниям и поверхностным заявлениям, с которыми обучающиеся знакомы по бытовой коммуникации в своей культурной среде среди сверстников и в более солидной аудитории.

Думается, малоинформативным для теории коммуникации является также пункт 12.6 «Модальности реализации межкультурной коммуникации» в том виде, как он существует в книге сегодня (с. 221–222). Очевидно, читателю так и останется, увы, не ясным, какое отношение к лингвокультурологическому аспекту имеет упоминание этноцентризма, преобладания национальной культуры и др. (с. 221–222). Не поймет читатель также, почему, когда и из-за чего партнер в межкультурной коммуникации, оказывается, воспринимается как личность, а не как индивид (с. 221).

В целом, хотелось бы обратить внимание на терминологическую сторону. Причин этому две: характер дисциплины и источники терминосистемы.

В силу междисциплинарности обсуждаемой дисциплины настоятельной необходимостью становится гармонизация трактовок основополагающих терминов, поскольку в психологии, социологии, межкультурной коммуникации, например, используются термины, имеющие существенно и сущностно различающиеся доминирующие трактовки. Из-за отсутствия внимания к данному аспекту происходит абберация при осмыслении проблемного поля в междисциплинарном исследовании, и тогда адаптация трактуется как вид социализации, а не как свойство/способность человека как субъекта познания и коммуникации. Сказанным можно объяснить и синонимию терминов «интерперсональный» и «межличностный» (с. 141) или же использование термина «русская национальная личность» (с. 227).

Весьма полезным было бы четко обозначить позицию относительно жанров коммуникации (коммуникативных жанров) и форм деловой коммуникации (см., например, рис. 11.1 на с. 198). Это обусловлено, с одной стороны, дискуссионностью использования термина «жанр» в гуманитарных исследованиях и, с другой стороны, неясностью относительно трактовки, например деловой беседы, как вида коммуникации и/или как формы коммуникации.

Терминологические проблемы обусловлены также источниками терминосистемы: это специальные естественно-научные и гуманитарные науки, частные и общие, метанауки, а также обыденная лексика, имеющая в терминосистемах совершенно иной смысл, нежели в обыденной коммуникации. Для недисциплинированного мышления упомянутый аспект является серьезным вызовом, потому что оно вкла-

дывает в обозначение не научное содержание, а бытовое. Итог – в лучшем случае непонимание, а в худшем – аберрации, неизбежно приводящие в дальнейшем к ложным умозаключениям.

Виды заданий при всем их разнообразии целесообразно было бы более последовательно согласовать с теоретическими акцентами в соответствующей главе, поскольку, например, в главе «Теория коммуникации в системе наук» задание «Определите, к каким видам коммуникации относятся следующие ситуации: беседа двух друзей, выступление президента страны по телевизоры, реклама напитков по телевизору, электронное сообщение коллеге» (с. 24) представляется излишне конкретным в контексте предельно общих рассуждений о коммуникации как феномене. И напротив, выдержка из труда А. В. Кравченко (параграф «Самостоятельная работа» в той же главе) (с. 24–26) слишком сложна для еще неподготовленного читателя, тем более что эта выдержка размещена в самом начале курса.

Выводы

Анализ содержания концепции, конечно же, можно было бы продолжить, но в таком случае многие замечания будут из разряда «желательно было бы...», «почему не отразили...», «я бы предложила иную логику...». Подобный подход, очевидно, некорректен при анализе концепции как целостного взгляда на комплекс актуальных проблем.

Следует особо подчеркнуть, что среди очевидных и бесспорных достоинств предложенной концепции и разработанной дидактической структуры ее внедрения в образовательную среду следует назвать прежде всего ясный язык, разработку схем, лаконично и наглядно представляющих комплекс сложных для осмысления вопросов. Достоинством концепции являются также перечисление факторов, условий, признаков, необходимых для анализа изучаемых явлений, вычленение основных понятий на каждом этапе обсуждения проблематики и комментарии к термино-

логии в глоссарии. Можно только приветствовать исторические экскурсы в общую и частную проблематику в разных областях знания. Одобрения заслуживает также введение в академический оборот ряда положений, остающихся, как правило, вне поля зрения в академической среде при обсуждении коммуникации. Нельзя не поддержать и стремление исследователей к совокупному представлению своего, авторского, видения изучаемой проблематики. Упоминания в одобрительном смысле заслуживает также диалогичность подачи содержания, отмеченная и одним из рецензентов учебника, рекомендовавшего учебник к публикации (цитата из рецензии вынесена на обложку издания).

Особого благосклонного внимания заслуживает раздел «Персоналии», где наряду с лаконичной биографической справкой дается краткий анализ научной деятельности исследователя и перечисляются его основные труды, признанные научным сообществом. Следует заметить, что за редким исключением в этом разделе названы ученые, оказавшие серьезное влияние на развитие гуманитарных наук. Зная нежелание подавляющего большинства обучающихся тратить дополнительные усилия на поиски второстепенной, с их точки зрения, информации, такое решение авторов можно только приветствовать.

Подводя итог анализу учебника «Коммуникация. Теория и практика», можно высказаться за появление издания, заслуживающего одобрительного внимания специалистов различных направлений гуманитарного знания и разных школ. Нет сомнения в том, что ряд проблем, поднятых Л. Г. Викуловой, М. Р. Желтухиной, С. А. Сорокиной, И. В. Макаровой, дискуссионны и, следовательно, будут особо интересны их коллегам. Авторы можно только поблагодарить за их имплицитное приглашение к содержательной дискуссии по многочисленным вопросам, находящимся сегодня на острие интереса гуманитариев разных исследовательских школ, приглашение, высказанное в столь нетривиальной форме.

*Воронежский государственный университет
Гришаева Л. И., профессор кафедры немецкой филологии
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Поступила в редакцию 9 марта 2022 г.
Принята к публикации 26 сентября 2022 г.*

Для цитирования:

Гришаева Л. И. Коммуникативная ипостась человека в зеркале теории коммуникации (Рец. на кн.: Коммуникация. Теория и практика : учебник / Л. Г. Викулова,

*Voronezh State University
Grishaeva L. I., Professor of the German Philology Department
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Received: 09 March 2022
Accepted: 26 September 2022*

For citation:

Grishaeva L. I. Communicative image of a human being through a mirror of the theory of communication (Review of Kommunikatsija. Teorija i praktika : uchebnik [Commu-

М. Р. Желтухина, С. А. Герасимова, И. В. Макарова. М. : ВКН, 2020. 336 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 144–152. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/144-152>

nication. Theory and Practice : textbook] / L. G. Vikulova, M. R. Zheltukhina, S. A. Gerasimova, I. V. Makarova. Moscow : VKN, 2020. 336 p.). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022. No. 4. Pp. 144–152. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/144-152>